

Михаил Петрович Арцыбашев

**Женщина, стоящая
посреди**

Михаил Арцыбашев

Женщина, стоящая посреди

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Женщина, стоящая посреди / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Ночь была лунная, светлая. На горе трава казалась белой, а деревья серебряными и курчавыми от росы. За крутым обрывом, далеко внизу, освещенные луною, стояли седые туманы в лугах. В черном небе висели крупные горящие звезды. От невидимой реки тянуло сыростью и болотными травами. Лягушки неумолчно, на тысячу голосов, кричали в болотах, и казалось, что все они там сошли с ума от радости. Нина подошла к самому краю обрыва и перегнулась над ним, высоко подбрав платье. В лунном свете, окруженная звездным пространством, девушка казалась легкой, как птица перед полетом...»

Содержание

I	5
II	10
III	12
IV	13
V	18
VI	20
VII	22
VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Петрович Арцыбашев

Женщина, стоящая посреди

*Тут книжники и фарисеи привели
к Нему женщину, взятую в
прелюбодеянии.*

.....

*Они же, услышавши то, и будучи
уличаемы совестью, стали уходить
один за другим, начиная от старших
до последних, и остался один Иисус и
женщина, стоящая посреди.*

*Иисус, восклонившись и не видя
никого, кроме женщины, сказал ей:
Женщина! где твои обвинители?*

Иоанн VIII

I

Ночь была лунная, светлая. На горе трава казалась белой, а деревья серебряными и курчавыми от росы. За крутым обрывом, далеко внизу, освещенные луною, стояли седые туманы в лугах. В черном небе висели крупные горящие звезды. От невидимой реки тянуло сыростью и болотными травами. Лягушки неумолчно, на тысячу голосов, кричали в болотах, и казалось, что все они там сошли с ума от радости.

Нина подошла к самому краю обрыва и перегнулась над ним, высоко подобрала платье. В лунном свете, окруженная звездным пространством, девушка казалась легкой, как птица перед полетом.

– Ух, как высоко! – сказала она, засмеялась и пугливо отошла подальше от предательской бездны, круто уходящей вниз среди повисших кустов.

Луганович посмотрел на ее бледное от луны лицо, с чересчур большими, точно нарисованными, глазами, и досадливо пожал плечами.

– Вы еще совсем ребенок, Нина! С вами нельзя говорить серьезно! – сказал он, и по голосу было слышно, что он злится той особенной нервной злостью, которую вызывает неудовлетворенное желание.

Нина чутко уловила сердитую нотку, сделала серьезное лицо и смиренно уселась рядом на широкий пенек давно срубленного старого дерева.

– Прежде тут был большой дубовый лес... Сколько было птиц, цветов, если бы вы знали!.. Его мужики вырубали, и в прошлом году одни кусты оставались, а теперь уже опять целые деревья... Как быстро растет все!.. – проговорила девушка, засунув руки в кармашки своей светлой кофточки и глядя кругом такими глазами, точно для нее и невесть какая радость была в том, что все так быстро растет.

Луганович с досадой отшвырнул папиросу. Красный огонек описал в воздухе блестящую дугу, ударился об ветки куста и, рассыпавшись золотыми искорками, тихо погас за обрывом.

Нина робко оглянулась.

– Вы на меня сердитесь?.. – тихо спросила она.

Голосок ее прозвучал так по-детски чисто, что студенту стало стыдно. Он начал придумывать, что бы такое хорошее, нежное сказать ей, но ничего не придумал. Назойливо и мучительно было в нем одно желание, сводившее его с ума. Уже давно Луганович не мог ни о чем

другом говорить с нею. Немеркнувшее представление о ее теле, таком близком и недоступном, неотвязно стояло у него в мозгу, и порою он готов был силой взять девушку. Это было невыносимо, и временами Луганович просто ненавидел Нину. Каждое ее слово раздражало его.

Лягушки, не умолкая, звенели на реке, как будто наперебой спешили рассказать всему свету о чем-то чрезвычайно важном, случившемся этой светлой теплой ночью.

– И когда они спят?.. – как бы про себя, задумчиво прошептала Нина, и глаза у нее стали грустными.

– А черт их знает!.. – внезапно сорвался Луганович, который как раз собрался с духом заговорить о том, что его мучило.

Прерванный на полуслове, он с досадой выдернул молодой побег, проросший из старого пня, злобно скрутил его и бросил.

Нина опять удивленно и даже испуганно оглянулась на него. При луне ее глаза странно и загадочно блестели. Ей было не столько обидно, сколько непонятно: бессознательно девушка чувствовала причину его раздражения, но душа ее оставалась чуждой этому темному чувству.

Луганович смотрел в сторону и судорожно потирал пальцы.

С минуту Нина неподвижно искоса наблюдала за ним, потом что-то нежно-лукавое мелькнуло у нее в глазах.

– Ну, не сердитесь!.. – сказала она и дотронулась до его локтя своими тонкими осторожными пальцами.

– Не могу я не сердиться!.. – хрипло, еле сдерживая безумное раздражение, возразил Луганович.

– Но чего же вы хотите от меня?.. – спросила Нина, и тоска прозвучала в ее голосе. – Ну, хорошо... я...

Она хотела сказать, что согласна на все, и на одно мгновение ей показалось, что это действительно так просто и легко. Ему это нужно, ну и пусть делает с нею, что хочет!.. Но сейчас же все существо ее содрогнулось от стыда и отвращения, сердце упало и голос сорвался.

Луганович быстро оглянулся. Мимо, прямо на луну, широко открытые и печальные, с покорной тоской смотрели большие темные глаза. Нина молчала и не мигая глядела на круглый светлый диск, стоявший посреди озаренного неба.

Лягушки звенели, как зачарованные. Луна, большая и холодная, торчала прямо над соседней горой, и длинные полосы света тянулись от нее вниз, в чашу оврага. Туманы на лугах ткались колдовски и призрачно. Внизу, в глубокой балке, настойчиво пищала какая-то злая ночная птица, должно быть, маленькая совка.

Не дождавшись последнего слова, в ожидании которого замерло все тело и пересохло во рту, Луганович тяжело вздохнул и закурил новую папиросу. Ощущение тягостного бессилия и даже уныние какое-то охватили его.

Вдруг послышался дрожащий от сдержанных слез голос:

– Я знаю!.. – проговорила Нина.

– Что?.. – вздрогнув, как пойманный, спросил Луганович.

Но девушка опять не договорила и по-прежнему смотрела мимо него, на луну. Лугановичу показалось, что глаза ее полны слез.

– Что вы знаете?.. – переспросил он, испугавшись, что девушка опять замолчит.

– Чего вы хотите... – упавшим голосом, неподвижно глядя перед собою, но вряд ли видя даже эту светлую луну, dokonчила Нина.

– Знаете?..

– Знаю... – повторила девушка без всякого выражения, словно неживая.

– А если знаете, так зачем же мучаете и себя и меня?

– Чем я вас мучаю?.. – еще тише, с непонятым укором, спросила Нина.

И как будто все – и луна, и звенящие голоса ночи, и белые деревья – все отступило, исчезло куда-то. Остались только два голоса: один робкий, печальный, как у страдающего ребенка, другой – жестокий, неверный и требовательный.

– Чем?.. Вы прекрасно знаете... Я больше не могу так, Нина. Вы еще ребенок, вы и не жили вовсе, а я уже не мальчик, я не могу удовлетворяться поэтическими разговорами и прогулками при лунном свете!

– Почему же прежде вы не говорили этого...

– Прежде я еще не любил вас так!

– Вы меня и теперь не любите!.. – утвердительно и печально возразила девушка.

Для нее это действительно было так: разве недостаточно радости и счастья в том, что они вместе, что луна светит так ярко, ночь так светла и тиха, сколько есть такого, о чем хочется рассказать только друг другу?.. А то грубое, грязное, пошлое, зачем?.. Разве любовь в этом?.. Конечно, для него она готова на все, но как это опоганит их светлое чувство, как будет стыдно и гадко потом!.. Теперь весь день проходит в ожидании встречи, а тогда нельзя будет думать о нем, потому что эта мысль соединится с грязным воспоминанием и вызовет только стыд и отвращение к самой себе. Это не любовь!..

– Не любите!.. – повторила девушка и вся сжалась от внутреннего холода.

Луганович даже зубами скрипнул.

– Любите, не любите!.. Не понимаю, что же тогда значит любовь?.. Нет, я люблю, но я не умею любить наполовину!.. Да и почему я знаю, любовь это или не любовь... Я знаю только, что когда вижу вас, вижу ваше тело...

Нина чуть вздрогнула, и Луганович невольно запнулся, но овладел собою и продолжал упрямо, с нарочитой грубостью:

– Ну, да... тело!.. Отчего вы так боитесь этого слова?.. Ведь вы же умная, развитая девушка, а не кисейная барышня, которая думает, что любить это значит фиалки на лугах собирать!.. Удивительное дело: почему вы все так смелы на словах, а сами пугаетесь малейшего намека на себя как на женщину?.. Не понимаю, что это – трусость или игра какая-то?.. Надо смотреть на вещи проще, смелее!.. Жизнь есть жизнь, и мы не можем ее изменить!.. И чего вы так боитесь?.. Ведь вы же любите меня?.. Да?.. Так чего же вам нужно? Законного брака, что ли!..

– Зачем вы это говорите?.. Ведь вы же знаете, что это неправда!.. – зазвеневшим от обиды голосом проговорила Нина.

– Выходит, что правда!.. – окончательно не владея собою, возразил Луганович даже с некоторым злорадством. – А иначе, что же вам мешает быть счастливой?

– Разве счастье только в этом?.. – бледно и невыразительно сказала девушка.

– Счастье в том, чтобы жить полной жизнью, без преград и запретов!.. – твердо выговорил Луганович, и в эту минуту ему искренно казалось, что все возможное на земле счастье заключается в том, чтобы она отдалась ему тут же, сейчас, ни минуты не медля. Главное – сейчас же. Он помолчал и прибавил вкрадчиво: – И ведь это же неизбежно, Нина!.. Вы женщина...

– Только женщина?.. – переспросила Нина.

Именно потому, что в это мгновение она и была для него только женщиной в самом узком смысле этого слова, Луганович обозлился.

– Ах, оставьте вы это!.. Ну, и человек!.. Что ж из этого? Разве это мешает быть женщиной?.. Как будто женщина, ставши женщиной, будет менее человеком... Этим вы больше оскорбляете женщину, чем можно оскорблять ее самыми грубыми желаниями!.. Любите как женщина, мыслите и работайте как человек!.. Не бойтесь вы этих громких слов!..

Луганович воодушевился, но тут же почувствовал, что как раз и выходит слишком много громких слов. И чем их больше, тем он дальше от цели. Студент даже удивился: как будто и слова те самые, какие необходимы в данном случае, а между тем чем больше он говорит, тем

холоднее в душе, тем слабее ощущение в себе мужчины, в ней – женщины. Он даже увидел, что Нина, несмотря на грубую обнаженность этих слов, мало-помалу успокаивается и начинает слушать с тем детским интересом, с каким слушала всякие умные разговоры. Девушка как будто чувствовала, что, пока он говорит такие страшные и серьезные вещи, он не может коснуться ее. Луганович круто оборвал свою речь и стал просить униженно и страстно:

– Ниночка, не мучьте меня!.. Будьте моею!.. Ведь вы же любите меня?.. Ниночка!..

И сейчас же вновь выросла таинственная тяга их тел, зажигая кровь, туманя ненужное сознание. Луганович тихо обвил рукою ее мягкое гибкое тело и потянул к себе, заглядывая в глаза и губами отыскивая ее губы.

Нина не сопротивлялась, как будто ослабев, и вся стала какая-то мягкая, гибкая. Глаза ее закрылись, щеки потемнели, от губ повеяло сухим жаром. Они были горячи и влажны, а дыхание как вино. У Лугановича все поплыло в голове. Он уже ничего не соображал.

Луна закружилась, подпрыгнула, на мгновение исчезла с неба и вдруг стала на самом краю обрыва, большая, светлая, с белым, что-то говорящим лицом. Лягушки замолкли. Все сдвинулось и замерло кругом. Стало душно и жарко. Руки сами собою скользили по краю платья, по жестковатой ткани тонкого обтянутого чулка. Оглушительной трелью залились лягушки, точно все разом перессорились между собою. Холодными призраками отошли и стали вдали белые от росы деревья.

Что-то произошло, чего Луганович даже не понял. Луна отскочила и повисла в небе, далекая и равнодушная.

Луганович сидел на траве оглушенный. В ушах у него звенело, руки и ноги дрожали, во всем теле была бесконечная слабость. Он все еще тянулся к Нине, но девушка стояла уже в двух шагах, закрыв лицо руками и повернувшись к нему спиной.

Злоба обманутого порыва охватила Лугановича до помрачения. Ему было бешено стыдно, и казалось, что ничего на свете не может быть комичнее его позы, с протянутыми руками, на коленях, с бессмысленным лицом. Он почувствовал, что из уголка рта вытекала на подбородок струйка горячей слюны, и кто знает, если бы Нина увидела это, возможно, что Луганович убежал бы и застрелился за первым кустом.

Но Нина стояла, закрыв лицо руками, полумертвая от стыда и страха, что обидела его.

Луганович опомнился.

– Так, – сквозь зубы проговорил он, – прекрасно... Ну, как вам угодно!.. Очевидно, мы не понимаем друг друга!.. Ну и хорошо!.. Желаю вам счастья в законном браке!..

Студент встал, неловко отряхивая пыль и листья с колен и чувствуя, что говорит совсем не то, что хочет.

Нина отвела руки от лица и взглянула на него с удивлением.

– Н-да, – холодно и бессмысленно, страдая сам и в то же время наслаждаясь мстительной грубостью своих слов, продолжал Луганович, – мы с вами, Нина Сергеевна, разные люди!.. Я не признаю половины ни в чем!.. Вздохать и мечтать я не хочу и не умею!.. Слуга покорный! Это может делать ваш Коля Вязовкин, но не я!..

«И при чем тут Коля?.; Как это пошло и глупо!» – мелькало у него в голове, но он уже не мог остановиться.

– Ведь это же ваш нежный рыцарь?.. Вот вам достойный жених!.. Уж он-то, конечно, до свадьбы не посмеет руки вашей поцеловать!.. Правда, немножко на барана смахивает, но зато чувствовать... о!

Нина смотрела на него во все глаза, точно не узнавая.

– Что вы так на меня смотрите?.. Разве не правда, что он на барана похож?..

Луганович ломался, был жалок и смешон, и сам отлично сознавал это.

– Мне пора... идемте, – вдруг быстро, видимо страдая за него, проговорила Нина.

– О, пожалуйста!.. Прикажете проводить вас?.. – насмешливо, но с полным отчаянием в душе подхватил Луганович.

Нина, не отвечая, быстро пошла прочь. Луганович, неизвестно для кого делая презрительную улыбку, последовал за нею. На душе у него было совсем скверно. Он презирал себя, ненавидел Нину, готов был заплакать и сразу обнаружить, что еще очень и очень молод.

– Итак, мы расстаемся?.. Жаль!.. Если бы вы не были так трусливы!..

Нина молча и поспешно шла по тропинке между высокими редкими деревьями. Обрыв остался далеко позади, луна стала меньше и бледнее, все тише доносилось неумолчное кваканье лягушек. Скоро уже казалось, что только какая-то бесконечная трель, замирая, звенит в воздухе.

Луганович наконец замолчал и шел вне себя, сжимая кулаки. Он то усмехался, то пытался беспечно насвистывать, то окидывал Нину, идущую впереди, циничными взглядами, но неизменно чувствовал, что все, что бы он теперь ни сделал, фатально обращается в мальчишество и глупость.

У калитки своей дачи Нина остановилась.

Здесь начинался сплошной сосновый бор, который жуткой стеной стоял за белыми домиками дач. Луна светила прямо на него, и передние стволы сосен белели, как колонны, а за ними был черный глубокий мрак. На соседней даче лаяла собака.

– Ну вот вы и дома!.. – сказал Луганович каким-то дурацким тоном.

Он развязно приподнял фуражку и поклонился. Нина протянула маленькую белую руку, на которой синеватым огоньком вспыхнул при луне узенький ободок колечка. Но рука осталась в воздухе. Девушка с тоскливым недоумением и мольбой о прощении взглянула в лицо Лугановичу, и губы ее страдальчески дрогнули. Она не могла понять, что произошло между ними.

Луганович видел, что она страдает, и сам готов был удариться головой о ближайшую сосну, но в то же время ощущал и жгучую сладость мести.

«Ага, – мысленно говорил он, – сама виновата!..»

Рука Нины медленно опустилась и повисла. Она, видимо, что-то хотела сказать и не могла. Студент стоял, небрежно пощелкивая хлыстом по сапогам и беззаботно оглядываясь кругом.

– Зачем... зачем так грубо?.. – вырвалось у девушки.

– Что – грубо?.. – с великолепным удивлением переспросил Луганович, высоко подымая брови.

Но Нина быстро повернулась и торопливо пошла к дому.

Светлая кофточка замелькала между молодыми сосенками, которыми была обсажена дачная аллея, исчезла за ними, еще раз ярким пятном вспыхнула на темном крыльце и пропала совсем.

Луганович долго стоял на месте, весь с головы до ног облитый лунным светом, и не знал, что теперь делать. Все вышло так неожиданно и глупо, он вел себя как мальчишка. Ему было жаль Нину и хотелось просить у нее прощения, но снова вспыхнуло в мозгу представление о ее недоступном теле и новый приступ животной злобы охватил его.

– Хорошо же!..

С размаху студент треснул хлыстом по сосне, сломал ее и, крупно шагая, пошел прочь.

II

Жара была невыносимая. По стволам сосен крупными каплями стекала смола, и липкий запах ее густо и душно стоял в воздухе. Сухостью и жаром веяло от прошлогодней хвои, толстым пыльным слоем лежавшей на земле, среди тонких острых иголок жесткой лесной травы. Вверху, над соснами, таяло белесое небо. По насыпи гудя проехала пустая дачная конка, и мул, везший ее, бежал так, точно ежеминутно был готов свалиться под дерево, протянув все четыре ноги. Его длинные уши беспомощно висели над унылой мордой.

Нина лежала в гамаке, подвешенном меж двух сосен, и, заложив руки под голову, смотрела вверх, туда, где верхушки замерли в высоте, каждой иголочкой отчетливо вырисовываясь в густой синеве.

Какие-то липкие жучки всползли на шею и руки, горячие солнечные пятна тихо двигались по всему телу, от покрасневшего влажного лица до маленьких туфелек, высунувшихся из-под легкой юбки.

Нина смотрела не отрываясь, но видела не сосны и небо, а свои мысли. Мысли же были только о Лугановиче, которого она не встречала после той ссоры. Она ясно представляла себе его красивое тонкое лицо, высокую гибкую фигуру и большие белые руки, которые возбуждали в ней волнующее представление о мужской силе и нравились Нине больше всего. Девушка не отдавала себе отчета в этом, но всегда ей хотелось смотреть на эти руки и тихонько дотрагиваться до них.

Возле гамака, прямо на земле, поджав одну ногу и опершись рукой на горячие жесткие иголки, сидел студент Коля Вязовкин. У него было круглое, как-то все книзу, действительно баранье лицо, с выпуклым лбом и глупыми влюбленными глазами. Сидеть ему было жарко и неудобно, и он жестоко страдал от любви.

Боже, какой прелестной казалась ему Нина, висящая в тонкой сетке гамака, сквозь которую ему были видны все линии ее молодого тела и нежный профиль, золотившийся мягким солнечным загаром.

Коля Вязовкин сильно потел в своей черной кургузой тужурке с инженерными наплечниками и терзался невыносимо, но ничего путного о своей любви сказать не мог. Во-первых, он страшно боялся Нины, а во-вторых, не выговаривал буквы «л». Вместо «люблю» у него вышло бы «вубью», и это лишало его последней энергии. Но все-таки он изо всех сил старался занять девушку и говорил почти не умолкая:

– Я так понимаю, Нина Сергеевна, что вубовь довжна быть повная. Есви бы я повубив, я бы всю жизнь отдав бы!.. Потому что иначе – подвость, и бойше ничего!.. Вубовь это такое чувство, которое на всю жизнь... Я не понимаю так называемой свободной вубви. По-моему, это просто разврат, и бойше ничего. И всегда это обман!..

– Почему – обман?.. – спросила Нина и тоскливо переложила голову на руках, которые резала узловатая тонкая бечевка гамака.

– Конечно, обман. Всегда это обман, Нина Сергеевна!.. Это тойко красивые фразы, а на самом деле одна подвость!.. Просто та сторона, которая товкуется о страсти без всяких обязательств, не чувствует никакой вубви, а потому и говорит, что ее вовсе не нужно!.. И никогда из этого ничего, кроме гадости, не выходит. Одна подвость и грязь. А вы как смотрите на вубовь, Нина Сергеевна?..

Нина закрыла глаза и задыхалась неровно и быстро.

– Я тоже, Коля, думаю, что о свободе страсти говорят только тогда, когда никакой страсти и нет... Кто любит, тот ни о чем не говорит и ни в чем не уславливается!.. – тихо, со странным выражением, точно желая убедить самое себя, сказала Нина.

Легкая краска проступила сквозь прозрачный янтарный загар ее щек.

– Вот, вот... – радостно заблеял Коля Вязовкин. Девушка открыла полные тоски глаза и продолжала, немного задыхаясь:

– Я могла бы... принадлежать человеку только тогда, когда знала бы, что для него это так же важно и громадно, как и для меня... Это должно быть такое чувство, чтобы совсем раствориться в нем, чтобы жить одной жизнью... Если бы я была уверена в таком чувстве, я бы ни на минуту не задумалась бы... Я бы ни перед чем не остановилась!.. Неужели кто-нибудь может думать, что для меня важно выйти замуж?.. Это глупо и оскорбительно, Коля!.. – не ему, бедному, потеющему от жары и любви, а кому-то другому бросила Нина. Губы у нее задрожали, а на нежных до прозрачности щеках выступили зловещие пятна. – Не могу же я... ну, быть близкой... человеку, которому нужно только мое... тело... – краснея до слез и неподвижно глядя вверх перед собою, продолжала девушка. – Это грубо и гадко!.. Я понимаю, что когда два человека любят друг друга, то у них даже тело становится общим... Тогда это понятно и не... гадко... А так!.. Да неужели же это так важно, Коля?.. Вот вы мужчина, скажите?..

Такая тоска и такое недоумение прозвучали в этом неожиданном вопросе, что бедный мужчина засопел и его крутое лицо стало смущенным, возмущенным и окончательно глупым. Он понял, что Нина с кем-то спорит, догадался, что кто-то предлагал ей отдаться, и ревность жгучим пламенем разлилась под его узкой тужуркой.

– Есть люди, для которых это – самое важное, Нина Сергеевна... Но я их не уважаю, Нина Сергеевна!.. – важно ответил он.

– Ах, все вы такие, должно быть!.. – с неожиданным раздражением возразила девушка и задумалась.

Коля Вязовкин, уязвленный в самое сердце, сидел на горячей хвое и глупо, исподлобья смотрел на нее. Ему было жарко и обидно.

А Нина лежала в гамаке, смотрела, как тихо покачиваются верхушки сосен, и думала о том, что, должно быть, она не такая, как все другие девушки. Почему другие выходят замуж, живут с мужчинами и совершенно спокойны, веселы и счастливы, а у нее при одной мысли об этом содрогается стыдом и отвращением все тело?.. В груди у нее такое восторженное, светлое, полное радости и нежности чувство, и готова она на какую угодно самую беззаветную жертву, а между тем без ужаса не может даже подумать об «этом»...

А как они могли бы быть счастливы!.. Нине грезилась какая-то необыкновенная жизнь: всегда и во всем вместе, все друг для друга, общие мысли и чувства!.. Девушка ощущала, как растут в сердце тоска и нежность, и слезы подступали у нее к глазам.

Коля Вязовкин смотрел на нее и готов был немедленно положить живот свой тут же, на горячей хвое, чтобы только оградить ее от всего дурного, темного и грязного. Рыцарем гордым и великодушным чувствовал он себя, но лицо у него по-прежнему было глупое.

III

Вечером, гуляя в дачном парке, Нина встретила Лугановича.

Он шел с какой-то полной, очень красивой, но уже немолодой дамой.

У нее были большие, искусно подрисованные глаза и улыбающиеся яркие губы. Черное платье, с прошивками на тяжелых плечах и груди, ловко перехвачено шелковым поясом, и вся она какая-то особенная, вызывающе смелая, откровенная и ловкая. Маленькие ноги на высоких каблуках выступали отчетливо и крепко, а сквозь кружево прошивок просвечивало неуловимо-нежное и бархатисто-розовое тело.

Нина сразу возненавидела эту даму и за ее прошивки, и за походку, и за подведенные глаза, и за наглый, как ей показалось, торжествующий смех. Девушка окинула ее прищуренными глазами и подумала с злой радостью, что если снять с нее это облитое ловкое платье и расшнуровать корсет, то вся она распустится и расплывется в безобразную массу жирного и потного тела.

Луганович выступал рядом, самодовольно и самоуверенно улыбаясь, низко наклонясь над плечом своей дамы и глядя ей не в лицо, а на подрагивающую на ходу выпуклую грудь. Дама ласкала его затененными глазами и смеялась так, словно между ними все было уже сказано и она только поддразнивала его.

Когда они прошли и Луганович намеренно холодно поклонился Нине, дама сказала тихо, но внятно, с расчетом быть услышанной:

– Хорошенькая!..

В ее устах эта похвала почему-то оскорбила Нину.

Луганович что-то ответил, и дама засмеялась так, точно ее пощекотали.

И сразу Нина почувствовала себя такой простенькой и жалкой, что едва не заплакала. Но вместо того она расхохоталась, неестественно закинула голову и прошла, будто не заметив поклона.

Коля Вязовкин что-то проблеял, но Нина не расслышала. Лицо ее горело, глаза потемнели и смотрели прямо перед собою, полные такой жгучей ненависти, что казались чужими на ее нежном молодом лице.

– Что за странная фантазия в деревне одеваться точно на каком-нибудь модном курорте!.. – презрительно сказала она, вся дрожа от злобы и отвращения. – Терпеть не могу этих толстых, старых, грязных баб!..

Она произнесла эту фразу так неожиданно грубо, что Коля даже сконфузился.

Нина заметила и мучительно покраснела.

– Мне сегодня удивительно весело, Коля, – сказала она, судорожно хватая его под руку, и вдруг слезы выступили у нее на глазах.

– Нина Сергеевна, Нина Сергеевна, что с вами?.. – засуетился Коля, почему-то изо всех сил вырывая у нее свою руку и сам того не замечая.

Нина мокрыми глазами, с беспредельным отчаянием взглянула на него, увидела его растерянное, испуганное, сострадающее, но все-таки баранье лицо, истерически захохотала и стала тормошить его.

– Какой вы смешной, Коля!.. У меня просто нервы расстроились! Это пустяки... Ну чего же вы надулись, как мышь на крупу?.. Побежим!.. Догоняйте меня... ну!..

Она побежала, чтобы скрыть слезы, которых уже не могла удержать, а Коля Вязовкин растерянно и неуклюже бежал за ней вприпрыжку, и лицо у него было глупое, как у барана, неожиданно наткнувшегося на новые ворота.

IV

Верстах в трех от дачи строили железную дорогу, и по вечерам из-за леса были слышны пронзительные свистки паровоза и короткое уханье паровых баб, заколачивающих сваи. Инженеры, которые строили дорогу, жили на дачах.

Их было трое: один – старый, женатый и скучный человек, другой – совсем мальчик, похожий на студента, и третий – щеголеватый, весьма красивый и самоуверенный господин, который часто бывал в дачном парке, ухаживал за всеми дамами, ужинал на веранде ресторана и при этом всегда выпивал бутылку шампанского какой-то особенной марки.

Старый инженер ни на кого не обращал внимания и говорил только о постройке, молодой – ходил в косоворотке, увлекаясь пропагандой среди своих рабочих, а тот, который ужинал с шампанским, очень быстро перезнакомился со всеми дачниками, играл в лаун-теннис и думал, казалось, только о женщинах. Поговаривали, что он живет с той красивой артисткой, которая ни с кем не знакомится, играет в лаун-теннис с голыми ногами и у которой сестра гимназистка. Однако передавали друг другу и еще несколько пикантных историй в связи с самыми разнообразными именами, вплоть до какой-то горничной земского начальника. Но все эти толки только придавали господину Высоцкому особое обаяние в глазах дачных дам.

Когда Луганович так обидел Нину и она бежала по лесу с Колей Вязовкиным, заплаканная, сверкающая гневом и обидой, инженер встретил ее и проводил глазами.

«Красивая девка!..» – сказал он себе, когда женская фигурка, с развевающимся за плечами легким шарфом, скрылась в лесу. Потом прищурился, подумал и медленно направился в парк, где встретился с Лугановичем и его дамой.

Несмотря на явное неудовольствие и даже какую-то тревогу дамы, он сейчас же присоединился к ним, познакомился с Лугановичем и стал ядовито подшучивать над его дамой.

Она злилась, Луганович петушился, но Высоцкий смотрел на него спокойными, наглыми, предостерегающими глазами, и ей не оставалось ничего другого, как притвориться, что принимает все это за милые шутки. В конце концов она, однако, не выдержала и ушла, сославшись на головную боль.

– Раиса Владимировна, – крикнул ей вдогонку инженер, – я к вам зайду вечером... можно?..

Досада и страх выразились на ее красивом лице, но она все-таки успела обжечь Лугановича таинственным взглядом, ясно говорившим: до другого раза!..

Инженер сразу изменился. Он дружески подхватил Лугановича под руку и заговорил таким тоном, точно они были старыми приятелями, превосходно понимающими друг друга.

Сначала студент был настороже, но инженер был так мил, так остроумно высмеивал дачные нравы и дачных дам, что Луганович, которому немного льстило внимание элегантного инженера, не выдержал и развеселился.

В конце концов они очутились на веранде ресторана, и перед ними появилась обычная бутылка шампанского.

Было уже поздно, и тихо наплывала теплая летняя ночь. Над вершинами сосен засверкали звезды. В аллеях парка только кое-где, под неяркими электрическими фонариками, еще виднелись группы дачников. Доносились мужские голоса и женский смех. На балконах дач, сквозь темную листву, заблестели огоньки. Лес потемнел и сдвинулся кругом.

Инженер и Луганович говорили, конечно, о женщинах.

Это так обычно, что когда собираются мужчины, то они говорят о женщинах. Они могут говорить о чем угодно – об искусстве, о политике, о науке и религии – но их беседа никогда не будет так напряженна и остра, как тогда, когда слово «женщина» не сходит с языка. Она как будто стоит перед ними – непременно нагая, непременно молодая и красивая, непременно

любовница. Где-то, забытые, теряются матери, жены и сестры – скучные женщины будней, и поперек всего фона пестрой жизни распростерто обнаженное женское тело. И на это желанное тело, с той странной злобой, которую рождает неудовлетворенность, летят плевки, похожие на поцелуи, и поцелуи, похожие на плевки.

– Мы все прекрасно знаем, – говорил инженер, – что никто из нас не питает ни малейшего уважения к женщине... Мы все считаем их развратными, лживыми и доступными. Мужчина презирает женщину, но преследует ее как совершеннейшее орудие наслаждения, пока она молода и хороша. Когда же она состарилась, ее вид не возбуждает ничего, кроме скуки, в лучшем случае – какого-то забавного почтения, как к отставной любовнице. Это уже – пенсия инвалиду!.. Все те прекрасные слова о женщине, которые мы читаем на страницах либеральных газет и поэтических произведений, ни для кого не обязательны в личной жизни!..

Когда мы восхищаемся тургеневским ароматом чистых девушек, мы, в действительности, только вдыхаем запах свежего женского тела. Женщина-товарищ нам не только не нужна, но даже враждебна, ибо конечная мечта мужчины – женщина-раба, покорная ласкам и не стесняющая его свободу ни в чем. Чистые девушки дороги нам только тем, что их еще можно лишить невинности. Первое наше стремление при соприкосновении с невинной девушкой – развратить ее. Ничто так не увлекает мужчину, как физическое и моральное насилие над женщиной, борьба с ее стыдом, дикарская грубость захвата. И кто знает, не это ли, в конце концов, и нравится женщине. Пока мы молоды и наивны, мы часто боимся оскорбить женщину, играем в благородство, а она фатально ускользает от нас в руки более грубого и смелого.

Луганович быстро посмотрел на инженера. Ему показалось, что Высоцкий намекает на него и Нину. Не было ни малейшего основания подозревать это, потому что девушка даже не была знакома с инженером, но смутная ревность сейчас же шевельнулась в Лугановиче, и вдруг с поразительной убедительностью студент почувствовал, как был глуп тогда, на обрыве, уступив сопротивлению Нины. Он немедленно дал себе слово в другой раз быть настойчивее и не отступать даже перед насилием.

Инженер не заметил ничего и продолжал, видимо сам увлекаясь пряным содержанием своей речи. Слово «женщина» он произносил как-то особенно, с таким оттенком, точно из всех человеческих слов только это одно было ему понятно до конца.

– Беспомощность женщины, которую насилюют, вовсе не вызывает в нас жалости и негодования... Она только возбуждает нас. Когда в газетной хронике мы читаем об изнасиловании беззащитной девушки толпой каких-нибудь хулиганов, мы только из лицемерия возмущаемся, а на самом деле жаждем подробностей и мучительно завидуем, что нас не было в этой толпе, хотя бы в качестве зрителя... О, если бы не существовало каторги!.. Если бы сегодня отменили всякую кару за изнасилование, завтра к вечеру во всем мире не осталось бы неизнасилованной женщины. Их ловили бы повсюду, в лесах, в салонах, в комнатах для прислуги, в дортуарах пансионатов, в классах гимназий и в монастырских кельях... Ибо для чего же нам нужна женщина?.. Неужели вы думаете, юноша, что мы не обошлись бы без нее в наших искусствах, войнах, науках и работах?.. Солдаты, депутаты, рабочие, литераторы, философы разве нуждаются в помощи женщины?.. Отнимите у нее орудие наслаждения, и женщина станет для нас только лишним ртом.

– Отчасти вы, может быть, и правы, – нерешительно возразил Луганович, оглушенный этим потоком цинизма, – но мне кажется, что в сфере, например, искусства...

– Это вы об актрисах?.. – спросил инженер. – Оставьте!.. Попробуйте выпустить некрасивую женщину на сцену или написать пьесу, в которой нет специально любовной роли для женщины!.. Нет, женщина в искусстве только возбуждатель, и больше ничего!..

– Женщина-мать?

– Ах, юноша... – насмешливо вздохнул инженер, – давайте называть вещи их собственными именами: что такое мать?.. Аппарат для высживания и кормления, кормилица

и нянька!.. Зачем произносить это слово с таким пафосом, когда слово «отец» произносится так просто?.. Я никогда не видел, чтобы мужчина гордился тем, что носит в себе зародыши миллионов жизней, а почему, скажите, пожалуйста, эта роль менее почтенна? Клянусь честью, что беременная женщина не возбуждает во мне больше благоговения, чем виновный в этом мужчина!..

Луганович невольно вспомнил свою мать – женщину легкомысленную и с тяжелым характером, но почувствовал какую-то неловкость и с легкой запинкой возразил:

– Не все матери только аппарат, как вы выражаетесь... Должно быть, у вас никогда не было матери...

Высоцкий взглянул на него с таким комическим удивлением, что студент покраснел и разозлился.

– Я говорю не в буквальном смысле, конечно... Но вы, вероятно, рано лишились матери или...

– О нет... – спокойно перебил инженер, – моя матушка жива и до сих пор, и уверяю вас, я питаю к ней самую искреннюю нежность... Но это ужасно по-обывательски – думать, что если человек пришел к каким-нибудь выводам, то непременно по причинам личного свойства. Точно в выводах разума нельзя идти даже против собственного чувства! Мать моя решительно ничего не сделала такого, что могло бы меня разочаровать в матерях вообще. Напротив, она очень любила меня и была превосходной нянькой.

– Только нянькой?

– А чем ей быть?

– Мать может быть воспитательницей, другом...

– Другом, конечно, может быть, но какая же это заслуга – быть другом чьим бы то ни было, а тем более – своего собственного щенка!.. Любая свинья – друг своего поросенка!.. А насчет воспитания, так вы это лучше оставьте: человек воспитывается не нравочениями своих родителей, а всей окружающей обстановкой. И если бы мы отчетливо представляли себе, как ничтожно мала роль женщины в мировой культуре, нам бы стало ясно, что мать-воспитательница не может идти дальше азбуки, да и то сочиненной мужчиной.

– Ну, знаете, – возразил Луганович, – с такими взглядами должно быть и противно и скучно жить!.. Если вы так презираете женщин...

– Кто вам сказал, что я ее презираю?.. Я только ставлю ее на то место, которое ей принадлежит по праву и способностям.

– Хорошее место, нечего сказать!.. – возмутился Луганович.

– Самое для нее подходящее: место любовницы. Луганович только плечами пожал.

– Да, – заговорил инженер, помолчав, – я знаю, что в нашем добродетельном обществе – ведь наше общество страшно добродетельно, – в нашем высоконравственном обществе принято относиться с презрением к тому, кто в женщине видит прежде всего женщину. Мы называем таких людей развратниками и глубоко убеждены, что, во-первых, это одно и то же, а во-вторых, что сладострастник это какое-то грубое животное, лишенное чувств красоты и добра, какая-то живая грязь, пятнающая человечество!.. А между тем все великие произведения человеческого искусства созданы именно величайшими сладострастниками... Да оно и понятно: нет жизни более красочной, захватывающей и полной, чем жизнь сладострастника!..

– Ну!.. – пробормотал Луганович.

– Конечно!.. Ведь это только тупые, бездарные мещане, всю жизнь свою до тошноты развратничающие с одной своей законной половиной, представляют себе душу сладострастника как темный и грязный лупанарий. А на самом деле это – таинственный сад, где растут ядовитые, но прекрасные цветы!.. Сладострастник это мечтатель, жаждущий вечной молодости, вечной красоты и наслаждения... Его не удовлетворяет одна женщина, потому что он стремится выпить в себя всю мировую женственность. Он брезгливо уходит от женщины будней, с ее

привычным апатичным актом самки, с пеленками, кухней, дрязгами и сплетнями, к женщине, которая еще только жрица на празднике жизни!.. Каждый раз, встречая женщину молодую и прекрасную, он с новой силой переживает безумие влюбленности. Он живет в вечном подъеме, его жизнь полна исканиями, он не знает скуки, томления духа и пустоты... Женщина заполняет для него весь мир. Он бесконечно изощряется в восприятии женщины: для него брюнетка, блондинка, страстная, холодная, худая и полная, хищная и безвольная, умная и наивная, грубая самка и нежный ребенок, весна и осень женщины, все это – бесконечные оттенки, аккорды прекраснейшей симфонии, сказка вечной влюбленности!.. Вспомните, что один из величайших пророков населил рай гуриями, а другой, еще более великий, не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии!..

Луганович с нескрываемым изумлением посмотрел на инженера, не понимая, шутит он или говорит серьезно. В конце концов, это бесконечное повторение пряного слова «женщина» возбуждало и его. С каждым эпитетом, произносимым инженером, новый образ женщины вставал перед молодым человеком и все образы сплелись в какой-то сладострастный танец, проносясь перед ним с рассыпанными по обнаженным плечам волосами, с пьяными от желания глазами, с гибкими руками, протянутыми для объятий и ласк.

Студент невольно вспомнил все свои еще столь немногие встречи с женщинами, и ему стало завидно и стыдно, что он так неопытен в этом мире, где инженер, видимо, знал все. Если бы в эту минуту Высоцкий спросил о числе его любовниц, Луганович не мог бы назвать те два-три имени, которые с гордостью хранил в памяти, а солгал бы, как хвастливый мальчишка. Солгал бы, прежде чем успел бы оценить свою ложь.

Но инженер ничего не спросил. Он посмотрел на Лугановича странно прозрачными глазами и неожиданно сказал деланно равнодушным тоном:

– Кстати, кто эта барышня, с которой вы часто гуляете в парке... Такая высокая, с шарфом?.. Познакомьте меня с ней.

От неожиданности Луганович даже вздрогнул. В связи со всем тем, что говорил инженер, было что-то оскорбительное в этой просьбе. Но взгляд инженера был так ясен, показаться наивным мальчиком было выше сил Лугановича, и студент, стараясь казаться равнодушным, ответил:

– А, с Ниной?.. Что же, с удовольствием!..

Впоследствии он старался не вспоминать, что в эту минуту едва не сказал вместо Нина – Нинка, и не мог скрыть хвастливой усмешки счастливого любовника.

– Значит, познакомьте?.. Слово?.. – настаивал инженер.

– Конечно, почему же нет?.. – тем же тоном ответил Луганович.

И ему стало так стыдно, точно он совершил какое-то предательство.

Как будто только этого и надо было инженеру. Высоцкий встал, потянулся и лениво пробормотал:

– Вот и прекрасно. Мне давно хотелось. А теперь пора нам и по домам. Поздно.

Он крепко постучал палкой по столу и крикнул подбежавшему лакею:

– За мной.

Потом, не глядя, небрежно протянул руку.

– Так-то юноша!.. Ну, до приятного!.. Покойной ночи. Кланяйтесь Ниночке.

Несколько мгновений Луганович растерянно смотрел в спину инженера, медленно спускавшегося по ступенькам в темноту парка. Студент не мог бы объяснить, что случилось, но вся кровь прилила у него к голове. Совершенно внезапное бешенство овладело им, и вне себя, еще сам не зная зачем, Луганович кинулся за инженером.

Он догнал Высоцкого на главной аллее, ведущей к выходу из парка. Везде уже были потушены огни, но здесь, на широкой просеке, мощенной беловатым кирпичом, было светлее,

и при бледном отблеске звезд лицо инженера показалось странно бледным, а борода чернее сажи.

– А, это вы? В чем дело?.. – небрежно спросил он, приостанавливаясь только вполборота к Лугановичу.

И, как будто угадав, что делалось в душе студента, с непостижимой наглостью подхватил его под руку и, не давая сказать ни слова, проговорил:

– А та дамочка ничего!.. Та, черная, с прошивочками... Очень любопытная дама!.. Рекомендую. Рекомендую и завидую. Искренно завидую! Огонь баба!..

Сбитый с толку Луганович невольно широко и польщенно осклабился. Инженер взглянул ему прямо в глаза и прибавил:

– А Ниночка ваша и того лучше!.. Молодец, юноша: не зевайте!.. Да так и надо: что им смотреть...

Высоцкий в упор произнес страшно грубое и грязное слово, захохотал, подмигнул с самым приятельским видом, крепко тряхнул локоть Лугановича и быстро пошел прочь.

Луганович, окончательно растерявшись, остался на месте.

Из темноты неожиданно донесся голос инженера: – Ах да... насчет шампанского не беспокойтесь!.. Я всегда плачу сам. Покойной ночи!.. Не забудьте о Ниночке!..

Луганович вздрогнул, как от удара, вспыхнул, сжал кулаки и опрометью устремился за инженером, но того уже нигде не было видно. Может быть, он свернул в боковую аллею, но впоследствии Луганович готов был поклясться, что Высоцкий просто спрятался где-нибудь в тени.

V

Вверху беззвучно и торопливо искрились звезды. Они мигали и шевелились, как живые, наполняя необъятный простор вечным движением. На земле же были тишина и сон. Белые домики дач смутно белели под деревьями. Мрак проступал меж стволами сосен и полз на бледные поляны, где недвижно никли сонные травы и цветы; воздух был пряный и душный.

От выпитого шампанского и недавнего возбуждения у Лугановича кружилась голова и беспокойно стучало сердце. Поглощенный своими мыслями, студент уже часа два бродил в этом ночном царстве, и все казалось ему странным, точно он видел ночь в первый раз.

Невольно сторожко всматриваясь в темноту под деревьями, где чудились какие-то присевшие подстерегающие тени, Луганович думал об инженере, а шаги его звонко скрипели по деревянным мосткам, проложенным вдоль дач и белевшим во мраке.

«Как он смел так говорить о Нине?.. – думал Луганович. – За кого он принимал меня? За такого же мерзавца, как и он сам, или за глупого мальчишку?.. Негодяй!.. Даже не потрудился скрывать своих намерений!..»

Эти намерения цинично представлялись Лугановичу и были так ярки; он уже видел Нину, такую чистую и нежную, в объятиях инженера, похожего на козлоногого чернобородого сатира. Кулаки Лугановича инстинктивно сжимались. Студент вспомнил слова инженера о том, что молодые мужчины часто из глупого благородства уступают женщин другим, более наглым, и почувствовал себя именно таким глупым рыцарем. Как будет инженер смеяться над ним, если овладеет Ниной!.. Злоба и ревность овладели Лугановичем, и, отлично сознавая, что, во всяком случае, этой ночью ничего быть не может, он все-таки повернулся и почти побежал к даче, где жила девушка.

Сердце сильно билось у него в груди, когда через решетчатый забор он увидел пустынный двор, знакомую аллею тоненьких сосенок и темное запертое крыльцо дачи.

Ни одного огонька не было в слепых окнах. Полная тишина, в которой тихо бродил сон, стояла кругом. Как зачарованные, неподвижно замерли тоненькие елочки, а через поляну навывал мрак темный, жуткий бор.

Луганович тихонько обошел кругом дачи, вышел на дорогу в поле и долго стоял на углу, глядя в далекие, уходящие во мрак луга и широкое звездное небо. Чувство глубокого одиночества охватило его, и вдруг до боли захотелось женской ласки. Он представил себе Нину, как она спит сейчас, свернувшись клубочком и рассыпав по подушке свои светлые пушистые волосы, и жажда близости заставила его задрожать.

«Милая!..» – подумал Луганович со страстным порывом, и ему захотелось вслух произнести ее имя.

Но кругом была такая тишина, что слова не шли с языка.

– Нина!.. Ниночка!.. – наконец со страшным усилием невнятно выдавил из себя Луганович и сам вздрогнул от своего голоса, таким странно громким и незнакомым показался он в тишине и неподвижности ночи.

Студент даже оглянулся невольно, но все было пусто и тихо и загадочно чернели окна кругом запертой дачи.

Он уже собирался двинуться назад, в обход дома, как вдруг что-то зашуршало, злобно заворчал и гавкнуло над самым ухом. Подкрававшаяся со двора соседней дачи, невидимая в темноте собака залилась оглушительным глупым лаем.

– О, черт!.. – вздрогнул Луганович, чувствуя, как мурашки побежали по спине.

Собака кидалась на забор, рычала и захлебывалась от злости.

– Пшла ты, проклятая!.. – сквозь зубы цыкнул студент и замахнулся, испугавшись, что этот лай перебудит всех в доме.

Собака даже взвизгнула от злости и кинулась с такой силой, что забор затрещал. Лай ее, казалось, действительно был способен разбудить целое кладбище.

Луганович на цыпочках отбежал в сторону и пошел прочь, но проклятая собака и не думала успокоиться. Лугановичу послышались сонные голоса. Собака залилась еще пуше.

«Недоставало еще, чтобы меня за вора приняли!..» – подумал студент и ускорил шаги, уже не по мосткам, а прямо по мягкой росистой траве.

Еще долго издали доносился залиvistый лай собаки, которая, очевидно, все еще чуяла его. Наконец все затихло, и Луганович вздохнул спокойно.

– Вот проклятая собака!..

Он оглянулся кругом и заметил, что стало светлее.

Летняя ночь быстро шла к концу. Близился рассвет. Где-то далеко, на деревне, звенящим и тоскливым криком откликнулся петух.

«Скоро и утро», – подумал Луганович, и ему стало странно, что он пробродил, сам не зная зачем, целую ночь.

Но когда он подумал, что надо идти спать, прежнее смутное желание снова поднялось. Стало жаль чего-то, что могло бы быть и не было. И сквозь нежность к Нине, которая вдруг охватила его, пробилась животная досада:

– Неужели она не понимает, как нужна мне... А как могло бы быть хорошо!..

Сладкая истома прошла по всему телу при этой мысли, и внезапно Луганович вспомнил другую женщину:

– Ах, если бы...

Он представил себе Раису Владимировну, с ее черными подрисованными глазами, яркими губами, такую смелую, откровенную и доступную. Только одно мгновение было противно ее порочный образ ставить рядом с милой, чистой Ниной, но потом пришла темненькая юркая мысль:

«Сама и виновата!.. Чего ж она капризничала!..»

Луганович постоял, охваченный неожиданными дерзкими соображениями. Странная улыбка трусливо бродила по его губам. Пришедшая в голову мысль пугала его самого и казалась совершенно дикой.

«А вдруг?..» мелькало у него в голове.

И еще не веря себе, Луганович нерешительно повернул и пошел к даче, где жила Раиса Владимировна.

VI

Должно быть, где-то за лесом уже светало, потому что стволы сосен явственно выступили из мрака и промежутки между ними посерели.

На стенах дачи лежал синеватый свет. На дворе побелела трава, и откуда-то потянуло резким ветерком. Звезды как будто углубились в синеву побледневшего неба.

Луганович стоял перед калиткой и чутко прислушивался. Глаза у него вдруг стали зорки, слух тонок, движения быстры и ловки.

Он все еще не верил тому, что хотел сделать. Было страшно и стыдно, и казалось, что это совершенно невозможно. А вдруг она вовсе и не думала ничего подобного, и выйдет глупо и скверно?..

Но темное желание было уже сильнее голоса рассудка. Нина вдруг вылетела у него из головы, и навязчивое невыносимое представление о большом мягком теле и черных бесстыдных глазах одно стояло перед ним.

Чувствуя, как сладко ноет и слабеет у него под коленками, Луганович отворил калитку, на цыпочках пробежал весь двор и, как вор, юркнул за угол дома. Ему казалось, что со всех сторон видят и следят за ним. Сердце безумно колотилось.

По эту сторону дачи был садик, окруженный молодой фруктовой посадкой. За обвитым хмелем плетнем шли какие-то пустыри и огороды, а еще дальше виднелась холодная белая полоса утреннего тумана над рекой. Было как-то особенно пусто и светло.

На стене странно и неожиданно чернело открытое окно.

– Я всегда сплю с открытым окном!.. – вспомнил Луганович лукавый женский голос, в котором звучал откровенный и циничный намек.

Голова у него закружилась. Луганович подкрался к самому окну и прислушался. В комнате было тихо и темно, но студенту послышалось мерное дыхание. Может быть, это просто шумело у него в ушах.

– Раиса Владимировна!.. – прерывающимся шепотом проговорил он.

Никто не ответил, только какая-то птица шелохнулась на верхушке дерева.

– Раиса Владимировна!.. – громче повторил Луганович и облизал вдруг пересохшие губы. Что-то шевельнулось в комнате и затихло.

– Раиса Владимировна!.. – в третий раз позвал студент почти громко. Он уже не владел собою и был готов на все.

Шорох послышался сильнее, и сонный женский шепот что-то спросил из темноты. Луганович почувствовал, что от слабости у него подгибаются ноги. Он уже не видел ничего, кроме черного четырехугольника окна.

И вдруг мрак в окне заколебался: что-то белое выплыло в нем, и из темноты выступило красивое, странно бледное при неверном свете утра женское лицо с черными глазами и черными распущенными волосами.

Она с испугом смотрела на Лугановича, и студент ответил ей кривой нелепой улыбкой.

– Кто это?.. – спросила Раиса Владимировна тревожно и вдруг узнала его.

Мгновенно выражение глаз изменилось, и что-то порочное, насмешливое и обрадованное мелькнуло в них.

– Сумасшедший!.. – шепнула она. – Откуда вы?..

Он хотел ответить и не мог. Раиса Владимировна пытливо посмотрела на него, быстро оглянулась кругом и протянула руку.

Рука была совсем обнажена и слабо розовела в синеньком свете утра. Луганович схватил ее и жадно пополз губами по теплой бархатистой коже, туда, где у сгиба локтя неуловимо нежно голубела мягкая ямочка.

– Сумасшедший!.. – как бы в раздумье повторила она и опять оглянулась.

Студент с кривой, преступной улыбкой тянул ее руку к себе и не знал, что делать дальше. От этого движения свалилось что-то белое и обнажилось круглое голое плечо, по которому стекали черные спутанные волосы. Ей было неловко стоять так, и она невольно потянула руку к себе, но Луганович не пускал и все смотрел ей прямо в глаза с той же кривой, нелепой, умоляющей улыбкой.

– Пустите же!.. – прошептала она. – Увидят!..

Но студент вскочил на карниз и резко и грубо дернул ее к себе. Женщина пошатнулась и всем своим мягким и горячим телом прислонилась к нему. Он жадно искал губами, увидел близко черные, как-то странно внимательно смотревшие глаза, почувствовал упругую тяжесть ее груди и изо всех сил сжал ее в объятиях, внезапно озверев до потери сознания.

Раиса вырвалась, с пьяными глазами и странно улыбающимся ртом.

– Идите сюда... – прошептала она чуть слышно и, не выпуская его руки, отступила куда-то назад, в темноту.

Луганович неловко, помогая себе одной рукой, перевалился через подоконник и опустился в какую-то душную темную бездну, ничего не видя и не зная, где он.

Голые горячие руки нашли его и уверенно повлекли куда-то.

VII

Было уже совсем светло, и в деревне бабы шли на базар, когда Луганович быстро шагнул домой. Солнце стояло еще низко, и его ослепительно яркие косые лучи резко чеканили каждую кочку на дороге. Зелень была свежа и чиста, небо прозрачно, и перистые облачка высоко кудрявились над землей. Мычали коровы; с топотом, не подымая пыли на сбросившейся за ночь мягкой дороге, проскакал табун из ночного. Из труб подымался легкий сизый дымок и розовел на солнце. Слышались бодрые громкие голоса, скрип ворот и радостное оглушительное чириканье воробьев, возбужденных ярким солнцем и свежим утром.

Только дачи смотрели по-прежнему темными слепыми окнами и около них было пусто и тихо.

Луганович шел, чувствуя себя молодым, сильным и гордым, как победитель.

Он совсем не думал, что Раиса Владимировна отдавалась многим, и, блестя глазами, повторял про себя: «Четвертая!.. Четвертая!..»

Первою была горничная Оля, второй – модистка Катя, третьего Луганович, с натяжкой, считал Нину, и Раиса Владимировна была его четвертой победой, наполнившей его мужской гордостью. Он чувствовал себя настоящим мужчиной.

Перед глазами у него все еще стояла смятая постель, черные спутанные волосы, обнаженное роскошное тело, и в каждом мускуле своем он чувствовал силу и сладкую истому.

Только немного было стыдно, когда бабы провожали его глазами, и казалось, что они все догадываются, откуда он идет.

Дома, на даче, все еще спали, но дверь на балкон была открыта и ступеньки крыльца мокры и блестящи. Прислуга, высоко подоткнув юбку и согнувшись, мыла пол и встретила его равнодушно-удивленным взглядом. Луганович поскорее прошел мимо нее и затворил дверь в свою комнату.

Здесь было совсем светло, несмотря на закрытые ставни. Сквозь все щели неудержимо проникал яркий солнечный свет, и косые пыльные полосы, переливаясь и играя, тянулись через всю комнату. Воздух застоялся за ночь, и было душно.

Луганович поспешно разделся и лег, хотя было как-то странно ложиться спать, когда кругом так светло. Но когда он вытянул ноющие от усталости ноги по свежей холодноватой простыне, все тело его охватило такое сладостное и удовлетворенное чувство покоя, что Луганович даже засмеялся от радости.

«А хорошая штука жизнь!..» – подумал он.

И это чувство полного физического удовлетворения было так сильно, что когда студент вспомнил Нину и впервые понял, что он ей изменил, это уже не могло побороть восторга молодого, здорового и сильного тела.

«Ну, что же... сама виновата!.. – опять подумал он, успокаивая что-то странно уколотившее сердце. И маленькая, юркая и хитренькая мысль мелькнула в голове: – Да она не узнает!..»

И, засыпая мгновенным здоровым сном, Луганович спутал и Нину, и Раису, и еще много таких же молодых, прекрасных женщин в одно ощущение бесконечной радости жизни.

VIII

Нина и Коля Вязовкин шли вдвоем по лесу. Кругом все было насквозь пронизано солнцем и жаром. Под ногами скользили сухие иголки старой хвои и трещали полусгнившие шишки. Коля Вязовкин вспотел так, что пот прямо лил с него. Нина тоже покраснела. На груди и спине ее, когда от движения раздвигался широкий вырез легкой кофточки, показывался милый треугольник темного загара на нежной бело-розовой коже. Вся она дышала молодостью, здоровьем и свежестью, и казалось, что ей не может быть так жарко и потно, как всем другим людям.

В лесу свистели и верещали птицы. Какие-то, насквозь пронизанные солнцем, золотистые мухи пулями мелькали от дерева к дереву. На ярких лужайках взлетали и падали пестрые бабочки. Суетливо ползли куда-то муравьи, копошились жучки и козявки. Лето было в разгаре, могучее, хлопотливое, полное мириадами жизней.

– Вот жара, Коля!.. – засмеялась Нина, как крыльями, помахав в воздухе приподнятыми руками. – Боже мой, какая жара!..

– Да, тепло!.. – отвечал Коля, снимая фуражку и в изнеможении вытирая мокрый лоб.

– Даже все дачники попрятались. Одни мы с вами такие храбрые!.. А мне нравится. Я люблю, когда жарко!

Коля не отвечал, он совсем разварился.

– А, вон кто-то сидит!.. – заметила Нина.

В стороне от тех мест, где обыкновенно гуляли дачники, что-то зачернелось.

Нина и Коля шли мимо этого места, невольно поглядывая туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.